

*Секреты
женского счастья*

П Р О З А

Веры Колочковой

В Е Р А
Калачкова

Утро туманное

Р О М А Н

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К61

Художественное оформление серии *Н. Каштыкиной*

Редактор серии *П. Корицкая*

Колочкова, Вера.
К61 Утро туманное / Вера Колочкова. — Москва :
Эксмо, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-04-206885-0

Наташа была примерной ученицей в балетном училище, и все пророчили ей светлое будущее. Она и сама мечтала выступать на сцене Мариинского театра, пока не встретила мужчину, которому впервые удалось увлечь ее так же сильно, как и балету. У Наташи родилась дочь и стала для нее новым смыслом жизни. Однажды ее дочь сбежала из дома, заставив Наташу пересмотреть все свои решения и взгляды...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Колочкова В., текст, 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-206885-0

Есть круги рая,
А не только ада.
И я сквозь них,
Счастливая, прошла.
Чего ж мне надо,
Да, чего ж мне надо?
Ни на кого
Держать не стану зла.
За все, что было,
Говорю — «спасибо»!
Всему, что будет,
Говорю — «держись»!
Престолы счастья
И страданий дыбы:
Две стороны
Одной медали —
«Жизнь».

*Юлия Друнина.
Есть круги рая*

Окно начало светлеть, и тяжкая бессонная ночь будто вздохнула запоздало — ладно уж, пора отступить, ничего не поделаешь... Хотя какая разница, ночь будет или утро. Или день...

Какая разница. Тягостному ожиданию все равно, оно одинаково выедаёт душу и днем и ночью. И утром. Хотя днем все же полегче — в суете, в телефонных разговорах, в движухе какой-никакой.

А сейчас утро на подходе, стало быть. Пусть. Окно уже не темное, а серое из-за тумана.

Наташа поднялась с дивана, медленно подошла к окну, стала смотреть, как грязно-розовый свет зари глядит на город через клочья тумана. Отвратительное зрелище, что еще можно сказать... Отвратительное. Лучше отвернуться, не смотреть...

Хотя в другое время ей бы показалась эта картинка красивой, романтической даже. И впрямь, что в этом ужасного? Ну, заря на фоне тумана... Ничего ужасного и депрессивного в этом нет.

ВЕРА КОЛОЧКОВА

Да... Но не сегодня. Не сейчас. Когда ночь прошла в пустом тревожном ожидании — лучше не надо всего этого.

А что надо? Заплакать? Завыть волчицей, кулак в рот засунуть и выть? И приговаривать хлипким от слез фальцетом — ну что же ты, Лялька, доченька, что же ты меня мучаешь, а? Где ты сейчас, Лялька, что с тобой, жива ли...

Мотнула головой, отгоняя дурное желание. Толку-то от этих слез. Не поможешь слезами. Расквасишься, только хуже себе сделаешь.

Снова обернулась к окну, и показалось, что туман немного рассеялся. Мягче стал, нежнее, уже не висит ватными грязными клоками. И в голове вдруг зазвучало ни с того ни с сего: «Утро туманное, утро седое...»

Откуда, откуда этот голос? Так некстати... Нежный такой голос внутри звенит, отчаянный даже. Вон как страстно и печально выводит: «Нивы печальные, снегом покрытые...»

Красиво. То есть в романсе красиво. А в жизни... В жизни все отвратительно. И туман этот... Нисколько он не рассеялся. Так и висит ключьями. Да и какие к черту нивы? Всего лишь унылый городской пейзаж за окном. Серые пятиэтажки спального района. Унылый октябрь. Унылая жизнь.

А голос-то все равно звучит нахально и все больше стремится вверх, застывает на самой вы-

Утро туманное

сокой ноте: «Нехотя вспомнишь и время бы-
лое...»

К черту, к черту, замолчи, голос! Не хватает
мне только этого — былое вспоминать! Оно и
без того всегда со мной, присутствует назойливо
в жизни, дразнит памятью. Все нервы уже измо-
тало! К черту это былое, к черту!

И все-таки... Если опять о нем, о былом. Если
вернуться в тот его миг, когда жизнь сломалась,
когда она приняла решение поступить именно
так. Ох, дура была... Какая она тогда была дура!

А ведь мама права была. Плакала, умоляла —
не ломай себе жизнь, доченька. Она ж у тебя
только начинается, и такое прекрасное будущее
тебя ждет! Подумай только — тебя ведь одну по-
сле балетного училища в питерский Мариинский
театр пригласили! Одну! Как самую перспектив-
ную! Уедешь в Питер, будет у тебя все... Да что
там — весь мир к твоим ногам упасть может с
аплодисментами, с криками «браво», с охепками
цветов... Неужели от всего этого можно отказать-
ся, доченька? Вот так одним махом все перечерк-
нуть? Послушай меня, подумай...

А она не захотела долго слушать и думать. По-
ступила по-своему. Все плакала и талдычила од-
но и то же — как же я ребенка своего убью? Ка-
кой аборт, мам, ты что? Я не могу, не могу, нет...

Вот. Не убила. Родила, когда еще восемнадца-
ти не исполнилось. Понятно, что жизнь балет-
ная кончилась. Вместо нее — Лялька. Упитанный

ВЕРА КОЛОЧКОВА

младенец в коляске. Не было больше балетной девушки с покушениями на мировую известность Натальи Воронцовой, была доченька Олечка Воронцова. Лялечка. Лялька.

И она сама так решила. Да. Сама... Как мама ни умоляла, ни плакала...

Господи! Господи, прости меня, о чем это я сейчас думаю! Сама себя укоряю, что не убила свою дочь, господи! А вдруг с ней что-то случилось, вдруг несчастье какое? А у меня мысли в голове такие ужасные! Может, ее в живых уже нет! И что с того, что за ночь обзвонила все больницы и морги — это еще ничего не значит! Они ведь всем одно и то же говорят, а на самом деле тоже не знают... К ним же информация не сразу поступает, наверное!

Вздохнула прерывисто и отпрянула от окна, и начала быстро ходить из угла в угол, схватившись руками за голову. И проговаривала тихо себе под нос одну и ту же фразу — ну позвони же, позвони, Лялечка... Ну что ты, ей-богу... Ну поспорились мы с тобой давеча — что с того? С кем не бывает... И кто в свои пятнадцать с родителями не ссорился, скажи? Пусть я плохая мать, но я же волнуюсь, с ума схожу... Позвони же, слышишь? Ну? Или хотя бы одно короткое сообщение пришли, всего одно слово — «жива»...

Вскоре тихое отчаяние переросло в обиду, даже злобу — ну что это такое, в конце концов? Как

Утро туманное

можно так над матерью издеваться? Ведь можно просто предупредить — мол, ночевать не приду, у подруги останусь. И все! И не мотылялась бы сейчас мать по квартире, не обзванивала всех подруг и знакомых, не рвала бы себе душу вопросами.

Хотя... О чем это она. Когда это Лялька ее предупреждала? Не первый ведь раз такое... И даже опыт кой-какой приобретен, если уж честно. Например, что в полицию соваться бесполезно. Там скажут — ждите три дня. Придет. А если не придет, тогда... Будто за эти три дня не может ничего страшного с ребенком случиться! А еще скажут — воспитывать надо лучше. Больше внимания ребенку уделять. Еще и морды пренебрежительные при этом состроят. Знаем, проходили... И не докажешь им про это внимание и воспитание, и что характер у Ляльки такой... Просто слушать не будут. Что им Лялькин характер? Она ведет себя в свои пятнадцать, будто ей никто не указ. И она ей не мать, а посторонняя тетка, которая все время требует что-то занудливо, жить мешает. А то, что эта тетка ночами не спит и пялится в утро туманное, — ей по фигу...

Да уж, утро туманное, будь оно неладно. И нивы печальные, снегом покрытые. И нехотя вспомнишь... И время былое, да. Вспомнишь и лица, давно позабытые. Вот в такую минуту и вспомнишь — от безнадёги...

ВЕРА КОЛОЧКОВА

Да, Игорь, это я о тебе сейчас. О тебе, сволочь. О тебе. Это и твоя дочь, между прочим. Которую ты знать не захотел.

Да уж. Не захочешь, а вспомнишь...

* * *

— ...Воронцова! Как думаешь, кого из всех в Мариинку пригласят? Наверное, думаешь, непременно тебя?

— Да ничего я не думаю, Алин...

— Ага, рассказывай! Ты же себя звездой балета мнишь, разве не так?

Наташа пожалала плечами, показывая, что отвечать не собирается. С этой Алиной Загревской лучше вообще не связываться — себе дороже будет. Тем более она и впрямь ее соперница, вечная соперница, яростно претендующая быть лучшей. И набрасывается всегда первой — хочет и в перепалке выйти победительницей.

— Чего плечиком-то жмешь, Воронцова? Думаешь, если наша Княгиня к тебе благоволит, то ты от этого лучше всех, что ли? Просто ты к Княгине всегда подлизываешься, в рот ей смотришь, это понятно!

Княгиней все девчонки называли хореографа, Маргариту Павловну Князеву, строгую даму в солидном возрасте, в прошлом заслуженную артистку со всеми регалиями. Но надо отдать должное Алине — Маргарита Павловна и впрямь

Утро туманное

к ней благоволила, выделяла среди других. Но в остальном Загревская была не права, вовсе она к Княгине не подлизывалась! Просто любила ее, вот и все. Мало сказать, любила — обожала. Тем более сама Княгиня ее не шадила, и прикрикнуть могла, и даже хлопнуть ладонью пребольно куда вздумается. Хотя все понимали, что такая эмоция Княгини дорогого стоит... Каждая девчонка многое бы отдала за такое к себе внимание и за приглашение на индивидуальные занятия.

Некоторые даже ходили жаловаться к руководству — чего это, мол, такая несправедливость творится? Почему Маргарита Павловна только с одной Воронцовой занимается? Но Княгине на эти жалобы и на отношение к ним руководства было плевать, уж такая она была особа — неколебимая.

Алина Загревская хотела быть на ее месте, это понятно. И вполне могла бы... Ее тоже все хвалили и не понимали, почему Княгиня выбрала не ее, а Наташу Воронцову. И прыжок у нее получался лучше... Однажды Наташа даже осмелилась у нее спросить — почему так... На что Княгиня ответила задумчиво:

— Не знаю, как тебе объяснить... Не знаю... И впрямь у Загревской все данные есть, и техника у нее лучше, и прыжок... Но ведь балет — это же не механика, это ведь еще чувство... Понимаешь меня? Чувство в балерине должно быть, душа присутствовать, сексуальная энергетика, если

ВЕРА КОЛОЧКОВА

хочешь. Чтобы смотреть на ее танец и забывать дышать. Чтобы глаз невозможно оторвать было.

— А во мне что, есть сексуальная энергетика?

— Хм... Ишь ты, сразу какое выражение выцепила! Ни больше ни меньше! Вот этим все и сказано, моя прелесть! — засмеялась громко Княгиня. — На ловца и зверь бежит! Есть в тебе секс, есть... От природы есть. Не все балетные этой коварной штукой одарены, тут уж ни убавишь, ни прибавишь. Тут и впрямь природу благодарить надо... Или есть это в тебе, или нет. А техника — это дело наживное. Просто работать надо много, стараться, жить в этом, всю себя отдавать... Не отвлекаться ни на что. Поняла меня?

— Да, поняла. Поняла, Маргарита Павловна...

Наташа потом долго разглядывала себя в зеркале, пытаясь увидеть тот самый секс. Даже маму об этом спросила, когда приехала домой на выходной. Мама улыбнулась, помолчала, потом проговорила тихо:

— Да не, в зеркале ничего не увидишь, доченька... Это не в зеркале надо смотреть, а в общей картине... В жестах, в движениях неуловимых, в улыбке, в глазах... Да не знаю я, как тебе объяснить! Не знаю! В общем, это природа — права твоя Маргарита Павловна. Сексуальность — штука неуловимая. Или есть она, или нет... Или дано, или не дано...

— Хм... А я думала, это не главное...

Утро туманное

— Так и есть — не главное. Но вот помнишь, как выступала наша прославленная гимнастка Алина Кабаева? Вроде все движения те же, что и у других, а смотришь на нее — и душа замирает... И еще смотреть хочется, и еще! И радуешься, когда она всегда первая, когда самые высшие баллы получает! Природа — она ведь везде главную скрипку играет, тем более в искусстве. А в тебе есть природа. Есть. Тем более ты у меня прехорошенькая!

— Так Загревская меня красивее... Все так говорят...

— Ну и хорошо, и пусть. Но в Мариинку тебя возьмут, а не ее, вот увидишь. Да и с чего ты взяла, что она красивее? Вон у тебя какое личико чистое, милое... И волосы светлые, и глазки яркие, медово-ореховые. Ты очень даже симпатичная, что ты!

— Ой, мам, не знаю...

— Зато я знаю. Потому что верю в тебя, доченька. Ты еще на таких сценах будешь танцевать — даже представить боюсь! Тьфу-тьфу, как бы не сглазить...

А уже через неделю она увидела, как мчатся к ней с криком по коридору училища девчонки, визжат, потом обнимают, кружат, кричат радостно:

— Тебя, Наташка! Тебя берут! Не Загревскую! Мы так рады, Наташка! И ты будешь танцевать главную партию «Жизели» на выпускном!